

КАТЕГОРИЗАЦИЯ ОБЪЕКТОВ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ПРОДУКТОВ РАСТИТЕЛЬНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В КУМЫКСКОМ ЯЗЫКЕ

CATEGORIZATION OF OBJECTS OF REALITY ON THE EXAMPLE OF PRODUCTS OF PLANT ORIGIN IN THE KUMYK LANGUAGE

Yu. Mamaeva

Summary. This article is devoted to the definition of the specificity of the formation of categories of plant products among the speakers of the Kumyk language. As you know, categorization helps us to organize the objects of reality and systematize our worldview and worldview into a single holistic picture of being.

Knowledge of the surrounding world, its understanding occurs by means of differentiation of the General features at comparison of the past and new experience. New experience is classified by consciousness and correlated with one or more conceptual formations formed earlier. The result of the action of deep cognitive processes is the formation of a system of categories, which are groups of concepts stored in memory.

Keywords: category, categorization, lexical categorization, world view, cognitive science, consciousness, language.

Мамаева Юлдуз Тажитовна
Соискатель, Сургутский государственный
университет
yulduz25_10@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена определению специфики формирования категорий продуктов растительного происхождения у носителей кумыкского языка. Как известно, категоризация помогает нам упорядочить объекты окружающей действительности и систематизировать наши миропонимания и миропонимание в единую целостную картину бытия.

Познание окружающего мира, его осмысление происходит при помощи разграничения общих черт при сопоставлении прошлого и нового опыта. Новый опыт классифицируется сознанием и соотносится с одним или несколькими концептуальными образованиями, сформировавшимися ранее. Результатом действия глубинных когнитивных процессов является формирование системы категорий, представляющих собой группы концептов, хранимые в памяти.

Ключевые слова: категория, категоризация, лексическая категоризация, картина мира, когнитивная наука, сознание, язык.

«Человек и язык», «язык и мышление», «язык и сознание», «язык и знание», «язык и картина мира» — таковы традиционные обозначения проблем, которые существуют и будут существовать в современных лингвистических исследованиях. Достаточно очевидно, что обозначить четкие границы между вышеуказанными проблемами сложно, а в ряде отношений и едва ли возможно; поэтому и мы не будем пытаться отграничить обсуждение, вопроса о соотношении языка и мышления от анализа проблематики языка и сознания. Возможно, стоит сказать о том, что овладение каким — либо языком является необходимым признаком человека.

Несмотря на богатую традицию, позволяющую в целом адекватно трактовать вопрос о соотношении существенных характеристик человека и языка, до сих пор приходится встречаться с позитивистским в основе своем пониманием, которое проявляется в таких примерно формулировках: если вы хотите узнать, насколько необходима связь между человеком и языком, дайте определения как человеку, так и языку; если первое из них невозможно без второго (включает его), то язык — необ-

ходимый признак человека. Однако наука не исчерпывается дефинициями. Можно долго заниматься попытками дать исчерпывающее определение сущности человека, языка, смысла жизни и т.п. Но можно и пойти по другому пути, который определим как — в широком смысле — функциональный. В этом случае естественно будет прежде всего задать вопрос: каковы бы ни были врожденные и приобретенные признаки человека, отличающие его от прочих живых существ, возможно ли становление человека вне общества? Ответ очевиден: нет, невозможно. Как бы, повторим, ни определялась сущность человека, она не может сформироваться в социальном вакууме. Об этом свидетельствуют и широко известные факты («Маугли», будучи поздно возвращены в лоно человеческого общества, так и не становились полноценными людьми), и простые соображения: чтобы сделаться человеком, необходимо пройти длительное воспитание и обучение (разумеется, не обязательно формальное), для чего требуется социальный контекст. [1]

Но и мысль о том, что самосознание вместе с сознанием — без чего нет человека — также появляется лишь

в обществе. И утверждая то, что формирование человека невозможно вне общества и что от общества человеку необходимо получить необъятный объем информации, мы тем самым и можем установить одновременно, что человек немислим без языка: ни общество не может сложиться без связующего его языка, ни большие объемы информации нельзя передать без языка «человеческого» типа (не сводящегося к относительно небольшому числу жестко фиксированных сигналов).

Иначе говоря, уже само по себе признание общественной сущности человека с необходимостью предполагает владение языком как важнейшим признаком человека. Выше, говоря о необходимости языка для передачи уместного объема информации, мы имели в виду, что такого рода функция возлагается на язык определенного уровня сложности.

Использование языка выступает лишь средством, само же приобретение знаний — это формирование некоторых когнитивных структур. Эти структуры суть продукт когнитивной деятельности, т.е. адаптивной и регулятивной деятельности по переработке информации, осуществляемой человеком. Возникает, соответственно, проблема соотношения языковых и когнитивных структур; ее частными случаями и являются традиционные вопросы «язык и мышление», «язык и сознание». [6]

В своем же исследовании мы хотим подробно разобрать когнитивные функции категоризации объектов действительности и выявить некую закономерность, определяющую формирование различных категорий в человеческом сознании. Для этого мы подробно изучили проблему связи языка и мышления, а также разработали для себя некие постулаты и концепции, которые помогают более подробно рассмотреть данную тему.

Языковой характер категоризации явился причиной появления лингвистических работ, в одной из которых рассматривается трехуровневая модель когнитивного цикла, конечной целью которой является представление результатов познания в вербальной форме; модель включает в себя «уровень восприятия ситуации, уровень концептуального структурирования информации о ней, уровень ее языкового кодирования, что позволяет объединить мир, человеческое мышление и язык».

Концептуальное структурирование информации заключается в формировании ментальных репрезентаций, которые, по сути, могут быть рассмотрены в качестве главного содержательного компонента сознания человека, являющегося результатом переработки чувственных данных. Причем, как отмечает Дж. Лакофф, «у людей есть различные способы упорядочить вещи, поэтому существует множество различных таксономий» [2, с. 164]. Осозна-

ние и категоризация объектов реального и идеального мира осуществляются с помощью «идеализированных когнитивных моделей», использование которых зависит от сущности познаваемого явления (степени абстрактности, категориальной принадлежности, образности и т.д.); среди них пропозициональные, образно-схематические, метафорические и метонимические [2, с. 158]. Описанные Дж. Лакоффом модели представляют собой те механизмы, по которым происходит категоризация объектов и явлений окружающего мира. Упорядоченные сознанием результаты категоризации с языковой привязкой могут быть рассмотрены как языковые категории, «языковые категории являются частью нашей когнитивной системы, и невозможно изучить нашу когнитивную систему в целом, если не включить в нее языковые категории» [2, с. 153].

Также Дж. Лакофф утверждает, что категоризация — отнюдь немаловажный предмет. Нет ничего более базового для нашего мышления, восприятия, действия и речи, чем категоризация.

Каждый раз, когда мы рассматриваем что — то, как род вещей, например дерево, мы осуществляем категоризацию. Когда бы мы ни рассуждали о родах вещей — стульях, народах, болезнях, эмоциях, о любом роде вообще — мы прибегаем к помощи категорий. Когда бы мы ни осуществляли любой вид целенаправленных действий, самых обычных, таких, как, например, писать, что — либо ручкой, забивать гвоздь молотком или гладить одежду, мы используем категории. Конкретное действие, которое мы выполняем в этом случае, является видом двигательной активности. Они никогда не производятся в точности одним и тем же образом, тем не менее, несмотря на разницу в конкретных движениях, все они представляют действия определенного рода, и мы знаем как производить эти действия. [2]

Настоящее исследование проводится не только в русле лингвистики, но и лингвокультурологии и этнопсихологии. Отметим, что взаимосвязь этнопсихологии с языком, мышлением общеизвестна и в исследованиях последних лет эта тема особенно актуальна.

Изучение особенностей межкультурной коммуникации нацелено на глубокое понимание условий существования носителей языка, их культуры в широком этнографическом смысле слова, их образа жизни, национального характера, потому что реальное употребление слов в речи в значительной степени определяется знанием социальной и культурной жизни говорящего на данном языке речевого коллектива. «Язык не существует вне культуры, т.е. в не социально унаследованной совокупности практических навыков и идей, характеризующих наш образ жизни. В основе языковых структур лежат структуры социокультурные» [Тер-Минасова 2000: 5].

Языковая картина мира отражает различные особенности реальной действительности в конкретных языках. Взаимосвязь между коммуникантами является сложной если происходит несовпадение языковых картин мира и отдельных ее компонентов.

Лексические категории кумыкского народа базируются на широком и многостороннем обобщении актуального и трудового навыка народа. Они отображают думы и ощущения сотен поколений людей, а еще всевозможные стороны этнической жизни.

Одним из аспектов предоставленного изучения, как мы уже гласили, считается лингвокультурологическая сфера кумыкской лексики, которая в согласовании с совместной направленностью передового языкознания оценивает появления языка в теснейшей связи с человеком, его духовной и практической работой.

Конечно же немаловажную роль играет и окружающая среда при образовании категорий у носителей кумыкского языка. Природа и все ее дары являлись и являются по сей день важнейшим источником существования и процветания. У многих кумыков имеются во владении поля и огороды, которым они уделяют много времени и тратят много сил на возделывание и выращивание различных фруктов, овощей и злаков.

Особое отношение к природе и окружающей среде, а также к полеводческим работам мы можем наблюдать также в кумыкских пословицах и поговорках, которые передаются из уст в уста, из поколения в поколение. Приведем примеры: Гюлайлан — гюнню, балэюибин балны кёп сюр «Подсолнух любит солнце, пчела — мед»; Бавда юзюм бишгенде, салам-калам кёп болур «Когда поспеет виноград, появится много друзей»; Юз сугъарма, гюз сугъар «Сто раз не поливай, осенью полей».

Ж. А. Салеева в своем исследовании пишет, что в кумыкском языке растительный мир представлен доста-

точно широко. Если рассматривать лексический пласт кумыкского языка, связанный с растительным миром, в частности, со съедобными и лекарственными растениями, а также с ягодами, растущими в лесах, то можно выделить обширную группу слов. Лексика растительного мира кумыкского языка, в основном составляют слова, представляющие генетический пласт. Названия обозначаются простым термином. Наблюдаются заимствования и из других языков. Здесь представлен достаточно богатый перечень названий фруктов, овощей и злаков т.к. в садах и огородах кумыки выращивают все виды фруктов за исключением цитрусовых. В Дагестане издревле занимались садоводством и виноградарством. У кумыков есть немало пословиц, связанных с садоводством, огородами и обработкой земли. Например: Алма заманындан алда бишмес «Яблоко раньше времени не созреет»; Алма терегинден ари тюшмес «Яблоко от яблони далеко не падает» и т.д.

Как известно, каждый язык отображает элементы вселенной по-своему, то есть имеет свой способ его концептуализации. А это означает, что каждый язык содержит особенную картину мира.

Таким образом, картина мира кумыков должна отражать и особенные элементы культуры.

Языковая картина мира кумыка отличается от языковой картины мира, скажем, другого представителя Дагестана или от другого представителя тюркских языков. Так как, кумыки проживают в равнинной местности республики Дагестан, их картина мира зависит от окружающего их мира: от флоры и фауны этого региона Дагестана. К примеру, мыслить, как аварец или даргинец, или же как татарин, кумык не может. Потому что кумык окружен совсем иной действительностью. И образы, которые он использует, будут непохожими, на его ближних или дальних соседей. Категориальные образы у кумыка заметно отличаются от представителей других этносов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. — М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. — 284 с.
2. Лакофф, Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф — М.: 2004.
3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. — М., 2004.
4. Салаева, Ж. А. Пословичная концептуализация мира в кумыкском языке. [Текст]: автореф. дис. на соиск. учен. степ. д-ра фил. Наук (10.02.002)/Салаева, Ж.А.; ДГПУ — Махачкала, 2012. — 374.
5. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: Учебное пособие. — М., 2000.
6. Толстая С. М. Слово в контексте народной культуры // Язык как средство трансляции культуры. — М., 2000.
7. Хроленко А. Т. Основы лингвокультурологии. — М.: Наука, 2009. 184 с.
8. Юсупова З. А. Языковые аспекты реализации противопоставления в паремии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Уфа, 2005. — 146 с.